

О КАНОНИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И.И. ПОЛЗУНОВА

А.Д. СЕРГЕЕВ

I

Если устанавливать историографию ползунововедения, то выясняется, что о Ползунове в научных и правительственных кругах России узнали в 1763 г.

Привлечь новое внимание к его наследию, заострить тему о «феномене Ползунова» не будет преувеличением его значимости.

Любопытнее всего в данной проблеме, что русская императрица Екатерина II тщательно знакомилась с проектом Ползунова, интересовалась ходом строительства машины, а после «рановременной смерти» Ползунова она держала в руках модель машины, сделанную самим механиком, и ей показывали ее действие. И Екатерина тогда же повелела взять Ползунова за творческий эталон конструктора, а глубину изобретательской мысли других технических деятелей велела соотносить, как она выразилась, с «означенными талантами подобного Ползунову». Иначе говоря, 30 сентября 1767 г. русская императрица официально канонизировала феномен Ползунова.

В Европе услышали о его машине сразу после его смерти, в связи с публикацией «Писем» барнаульского пастора Э. Лаксмана в 1769 г. Позже имя попало в словари; в середине XIX столетия в Корпусе горных инженеров говорили о розыске творческого наследия изобретателя; модель его машины экспонировалась на Нижегородской ярмарке 1896 г., а в 1900 г. – на Всемирной выставке в Париже. И уже с 1883 г. началась публикация его подлинных документов.

Ползунова стали знать повсеместно, т.е. его имя вошло в учебники с 30–40 гг. XX столетия; в том основная заслуга ленинградского профессора Виктора Васильевича Данилевского, а также барнаульского краеведа Николая Яковлевича Савельева. В 1947 г. правительством было присвоено имя Ползунова Кольванскому камнерезному заводу, в 1961 г. его имя получил Политехнический институт в Барнауле, в 1964 г. – появилась улица им. Ползунова, в 1980 г. был создан бронзовый памятник великому изобретателю. Кроме того, по постановлению Правительства СССР № 2008 от 09.06.1947 г.

учреждена премия им. Ползунова в Академии наук, которая присуждалась один раз в три года (см. «Ползуновские чтения 1989 года», с.44–45).

В 1999 г. Алтайское региональное отделение Петровской Академии наук и искусств учредило диплом и медаль Ползунова («Алтайская правда». 20.10.1999. с. 3), а с 2002 г. краевая организация ВОИР восстановила проведение конкурса на звание «Лучший изобретатель Алтайского края – лауреат премии имени И.И. Ползунова» («Алтайская правда». 07.02.2002, с. 2).

И тем не менее, потребовалась организация движения краеведов «Ползуновские чтения». Смысл Чтений состоит в том, чтобы найти общую позицию по проблеме «феномен Ползунова». Собственно говоря, крайних противоречий о месте Ползунова в истории теплотехники не было, если не считать расхождений в оценке типа его машины, а также понимания отдельными исследователями роли современников в его судьбе.

Не беря слово «канонизация» в его книжном толковании, мы речь должны вести о новом витке ползунововедения.

Ползунов – наше национальное достояние.

Его имя – гордость русского народа.

Мы – земляки великого сына России.

II

В появлении феномена Ползунова лежит сложный социально-исторический процесс. Но важно не сведение данного явления к его материально-техническим условиям, а существенное определение исходных социальных «точек» в ключевых начальных замыслах и творческой разработки, а также выхода «конечной продукции» (практики).

Мы можем обуславливать эмпирическими обстоятельствами появление любого изобретения в каждую данную эпоху, в потоке определенной общественно-научной устремленности. Но «феномен Ползунова» напрямую не сводится к условиям социально-экономического строя России. «Феномен Ползунова» может быть оценен и понят только как «образ культуры», «субъект культуры» (можно уже: как образ технической

цивилизации), обосновывающий себя сам, но который должен быть воспринят каждым образованным человеком как идеальный образец, должен войти в его (человека) микрокосм восприятия; жить с ним; «слиться» с Ползуновым.

На самом деле, мы все еще подходим к Ползунову намеренно прозаически: он создал, он изобрел паровую машину. Исследователи со своей стороны рассматривают, какую машину, т.е. ее конструкцию, и место его машины в ряду других изобретений. Такую привычку видеть в его творчестве только наличное содержание можно назвать мышлением механического материализма: такое знание растворяется в субъект-объекте.

Но нелегко вычленив чистую самость идеи, величие гения. В случае с Ползуновым, анализируя его творчество, надо сквозь формализацию его проекта выделить еще и содержательность формы, выражения идеи, не только ее предметный конечный смысл (см. его «Представление» от апреля 1763 г.). Такая совокупность подходов сможет по достоинству оценить состав идеи, содержание его концепции. Ползунов мог изобрести и должен был изобрести (поскольку изобрел!) вполне определенную сущность (именно данный тепловой двигатель), которая полностью соответствует (и должна соответствовать!) содержанию науки определенной культуры (определенного уровня), в данном случае – (совокупной) классической технической мысли Нового времени. Его изобретение соответствует и «умственному материалу и интеллектуальному облику» (О. Шпенглер) своего времени.

Некоторые современные исследователи пытаются бездоказательно ПОДВЫСИТЬ Ползунова, придать ему видимость еще большей гениальности, когда говорят, что он-де своим изобретением «опередил свой век». Это внеисторическое суждение: ни Ползунов своим изобретением, ни его современники как «оценщики» его творчества не «выскакивали» за рамки своего века, за рамки культуры Нового времени. Явление Ползунова, его творчество, не означает, что «еще не» достигнуто чего-то, что должно бы быть на «исторической очереди», а есть «историческая необходимость», есть явление априорное, а вместе с тем и апостериорное знание (т.е. творчество Ползунова есть всеобщий результат «тогдашнего» научного

труда), есть органическая неизбежность культуры, цивилизации, «уровня» познания.

III

Феномен Ползунова можно уловить, соединяя зримо, одновременно некоторые положения в следующей возвратно-временной последовательности: «чистый» результат его творчества, новый построенный завод или «Ползуновское производство» — машина новой конструкции как двигатель промышленный универсальный — его концепция, идея выраженная в проектных документах — состояние техники до него, и тем самым его место в истории теплотехники — претворение его идеи (историко-технически) через машины Дж.Уатта, как практика жизни = (есть) уничтожение «водяного руководства» (мануфактуры), есть переход к новой фазе научно-технической революции.

Такое понятие феномена Ползунова мы имели еще и в 1-й половине XX столетия, в «старой» фазе НТР, т.е. до перехода НТР на совершенно новый виток развития. Известно, что «классическое мышление» Нового времени (а последняя четверть XVII до конца XIX столетия есть своеобразный апогей «классической» техники и технологии) развивалось «количественно» совершенствовалась «наличность» того уровня накопленных знаний, что было достигнуто цивилизацией. И разве случайно, что только спустя более ста лет после изобретений Ползунова и Уатта, в науковедении была выработана четкая оценочная формула их вклада. Вот как писал К. Маркс о «водяном руководстве» и об универсальности нового двигателя. Беру отрывок: «Употребление водяной силы как преобладающей двигательной силы было связано с различными затруднениями. Ее нельзя было повышать до произвольного уровня, ее недостаток нельзя было восполнить; иногда она истощалась и всегда имела локальный характер. Только с изобретением второй машины Уатта, так называемой машины двойного действия, был найден первый мотор, который, употребляя уголь и воду, сам производит двигательную силу... Великий гений Уатта обнаруживается в том, что патент, взятый им в апреле 1784 г., давая описание паровой машины, изображает ее не как изобретение лишь для особых целей, но как универсальный двигатель крупной промышленности» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. М., 1960.

Т. 23. С. 388–389). Именно об этом (почти так же) писал Ползунов в своем «Представлении» от апреля 1763 г.

Поэтому совершенно неверны те утверждения, когда говорят, что машина Ползунова примитивна, громоздка, несовершенна, ее-де лихорадило при работе, тогда как машина Дж. Уатта есть полное совершенство. Неверно потому, что обе машины представляли вершину айсберга теплотехники «классического разума», и лишь конструктивно они различаются, но обе являются примером «интернационального изобретения» (как оценила наука второй половины XIX столетия паровую машину). А это, как понимается, и есть содержание мышления Нового времени: усовершенствование, развитие, даже эволюция, но не радикально иное. То есть, движение «витка» и после них продолжалось по новому кругу.

IV

Мы осознаем, что Ползунов, его личность, в ту эпоху России не имел непосредственного влияния на научно-техническую и общественную сферу. Тогда хорошо были известны Татищев, Ломоносов, Тредиаковский, Шуваловы, Дашкова, Фонвизин... Они просветители и гуманисты. Но в «Представлении» от апреля 1763 г. и Ползунов выступает как государственный человек, знающий не только текущие нужды страны, но и предвосхитивший глобальные перемены.

Создатель «Представления» есть блистательный высокоинтеллектуальный мыслитель. Его основная идея: «Облегчить труд по нас грядущим» становится самым гуманным принципом не только одного XVIII столетия, а всего грядущего технического прогресса. И если он напрямую не влиял на культурно-техническую политику России, то мы можем определять его роль как «существенную» в формировании предбудущего национального самосознания. Когда есть такие самобытные фигуры, как Ползунов, то народ российский никогда не потеряет свою самодостаточность, мы не упустим свои корни.

V

Ползунов в метаистории технической цивилизации занимает конструктивное место, недостаточно осознанное во всей ее историко-диалектической глубине. Эта антиномия устранима, если бы не проза жизни: возникают две основные задачи общественно-краеведческого движения «Ползуновские чтения», одна главная, вторая – выводная из нее, но не второстепенная.

Первое. Издание «корпуса» архивных источников о жизни и деятельности И.И. Ползунова. Задача эта легко решаемая: теперь уже накоплены и выявлены сотни и сотни документов в архивах Екатеринбурга, Петербурга, Барнаула. Источниковедческой, палеографической, архивоведческой, историографической – т.е. научной – проблемы здесь нет. Есть лишь одно – необходимое финансирование, так сказать, создание «Фонда ползунововедения». И все! После формирования и издания «Корпуса источников Ползунова» откроется масса новых фактов, о которых мы не подозреваем, а самое главное – сам Ползунов постоит за себя.

Второе. Вторая задача, я бы сказал, проблема, значительно сложнее, архитрудная, это: написание Полной Биографии Великого Конструктора.

... Ползунов из тех русских людей, кто не по знатности происхождения, не по толстой денежной мошне, не по воле случая якобы «фаворита» Кабинета е.и.в., а сам собою, природными качествами, знанием и трудолюбием снискал признательность современников и благодарную память соотечественников в веках. Мы должны без тени смущения осознать, что настоящие 9-е «Ползуновские чтения» в ознаменование 240-летия со времени представления проекта первого в мире «мотора промышленного назначения» есть дань уважения, величия и памяти Ивана Ивановича Ползунова, русского изобретателя.

Ручеек народа к своей истории не иссякает.

Будьте благословенны, дорогие земляки Ползунова!

Слава Ползунову!